

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'04:81'373.612
DOI 10.17223/18137083/56/16

Е. В. Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет

О развитии значений оттопонимических прилагательных в русском языке (на примере истории лексики «московский»)*

На материале семантической эволюции прилагательного *московский* в старорусском языке и далее в языке XVIII–XIX вв. и современном русском языке исследуются закономерности развития значений прилагательных, образованных от географических названий, в истории языка. Анализ показывает, что лексическое значение оттопонимических прилагательных не может быть сведено к чисто относительному и представляет собой ряд типовых и индивидуальных значений, набор и соотношение которых в отдельных лексемах и в лексической группе в целом изменяются во времени. Подробно описывается становление семантической структуры лексики *московский*, происходившее в русском языке XVI–XVII вв. В развитии семантики адъективов в языке национального периода при сохранении большинства типовых значений происходит обновление семантической структуры, для адъективов в современном русском языке характерны развитие семантики, приближающейся к качественной, и тенденция к стереотипизации.

Ключевые слова: оттопонимические прилагательные (адъективы), русский язык XVI–XVII вв., современный русский язык, семантика, этностереотип.

К вопросу об изучении семантики оттопонимических прилагательных

Апеллятивная лексика является предметом описания толковых и аспектных словарей, ономастическая – ономастических, при этом и те, и другие слова можно обнаружить и в энциклопедических изданиях. Судьба же образований от онимов, представляющих собой «переходный случай» от собственных к нарицательным

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

Генералова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, заведующая Межкафедральным словарным кабинетом им. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 193034, Россия; elena-generalova@yandex.ru)

[Реформатский, 1964, с. 21], незавидна. Этнонимы и названия жителей, а тем более притяжательные прилагательные, образованные от антропонимов, или оттопонимические и отэтнонимические имена прилагательные не только, как правило, не попадают в лексикографические издания, но даже практически не инвентаризируются и не подсчитываются.

Между тем такие дериваты от имен собственных составляют неотъемлемую и значительную часть словарного состава языка на всех этапах его существования, обладают как группа собственными словообразовательными, семантическими, грамматическими, функциональными закономерностями развития, несут существенную культурную информацию.

Оттопонимические прилагательные (в отечественной лингвистике используются также термины «прилагательные от географических названий», «ойконимические прилагательные», «адъектонимы») принадлежат к древнейшему лексическому пласту русского языка, образуются в значительно большем количестве, чем названия лиц по месту их жительства и происхождения [Левашов, 1986, с. 6], и в большинстве своем раньше соответствующих существительных – названий жителей. Адъектонимы обладают развитой семантикой, входят в ряд устойчивых словосочетаний (*сирота казанская, по гамбургскому счету*), в свою очередь являются базой образования онимов, в частности прозвищ, фамилий, псевдонимов (*Белозерский, Ржевский, Роттердамский*), названий улиц (*Брянская, Большая Московская*) и т. д.

Большинство лингвистических исследований оттопонимических прилагательных посвящено вопросам их словообразования. Семантика таких слов изучается редко и обычно изначально полагается как относительная.

Единственными словарями, системно представляющими прилагательные, образованные от географических названий, являются «Словарь прилагательных от географических названий» Е. А. Левашова [Левашов, 1986] и его же словарь-справочник «Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий» [Левашов, 2003]. В этих словарях собран ценнейший лексический материал, описанный автором прежде всего со словообразовательной точки зрения. Предметом настоящей статьи является детальное рассмотрение семантики оттопонимических прилагательных и выяснение вопроса, может ли она быть сведена к чисто относительному значению. Придерживаемся функционального подхода, в соответствии с которым значения относительных прилагательных (в том числе и собственно относительное) устанавливаются на основании взаимодействия семантики производящего существительного (в данном случае топонима) и семантики определяемого существительного. Разделяем позицию исследователей, трактующих семантику относительных прилагательных в связи с двойной референцией смысла: «...отношения, возникающие между относительными прилагательными и определяемыми существительными, это отношения между двумя предметами, а не между предметом и его признаком, поэтому прототипическое значение относительных прилагательных во многом является “отраженным” и мотивируется той концептуальной структурой, которая стоит за относительным прилагательным как производным словом» [Никитин, 1996, с. 243].

Нельзя не согласиться с Л. И. Озтюрк, что, «являясь частью апеллятивной лексики, адъектонимы входят в особый лексико-семантический разряд и имеют ряд очень важных особенностей» [Озтюрк, 2008, с. 230]. Задачей автора статьи является выявление этих закономерностей в семантическом развитии (на примере истории прилагательного *московский*).

Прилагательное *московский*, с одной стороны, представляет собой пример характерного развития семантики оттопонимических и – шире – относительных прилагательных, а с другой стороны, обнаруживает специфику своей истории в связи с уникальностью и исключительностью по своей культурной роли суще-

ствительного *Москва* и объекта, им обозначаемого. В статье прослеживается динамика семантической эволюции этого прилагательного: подробно в старорусском языке и далее в языке XVIII–XIX вв. и современном русском языке, вплоть до рассмотрения актуальных тенденций в его использовании, выявляются закономерности развития значений оттопонимических прилагательных. Материалом исследования послужили корпусные данные и данные исторических словарей и картотек (в первую очередь хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [СОРЯ]).

Семантика прилагательного *московский* в языке донационального периода

Прилагательное *московский* было известно еще в древнерусском языке, встречаясь, в частности, в летописях (наряду с топонимом *Москва*), и такая древность характерна для адъектонимов как лексической группы: «Прилагательные, образованные от географических имен, сопутствуют всей истории нашего языка, прослеживаясь в его древнейших памятниках» [Левашов, 1986, с. 4]. Лексема образована по самой характерной для оттопонимических прилагательных модели: В. А. Горпинич, один из первых обратившийся к изучению адъектонимов, подчеркивает, что «в древнерусском языке основным словообразовательным типом, по которому производились прилагательные, была модель “основа топонима (с сохранением топоформанта) + простой суффикс -ьск-”» [Горпинич, 1966, с. 5].

В памятниках старорусского языка прилагательное *московский* высокочастотно, и многочисленность контекстов дает возможность подробно рассмотреть семантику лексемы в языке этого периода.

В истории прилагательного *московский* можно выделить несколько семантических блоков (более крупных, чем значения, единицы, объединяющих несколько значений) в зависимости от разных объектов, на связь с которыми указывает прилагательное. В старорусском языке вычлениются следующие семантические блоки:

А. Относящийся к городу Москва.

Б. Относящийся к Московскому государству (Русскому государству XVI–XVII вв.).

В. Относящийся к царю Московского государства (Русского государства XVI–XVII вв.).

Основными являются два первых объединения, при этом блок А (‘относящийся к соответствующему населенному пункту’), естественно, более типичен для развития семантики оттопонимических прилагательных.

Появление второго и в результате метонимического переноса наименования и третьего семантических блоков обусловлено формированием вокруг Москвы в XVI–XVII вв. централизованного государства. В языке XVI–XVII вв. названия государств, стран образовывались чаще с прилагательными от названий этих местностей, а не городов: *Французское (Францовское) государство*, *Аглинское государство (Аглинская земля)*, *Датская земля (Датский край)*, *Свейское государство* и т. п. В этом смысле синонимом обозначениям *Московское государство*, *Московская земля* является сочетание *Российское государство*, известное уже в период XVI–XVII вв. Однако обозначения значительных территорий возможны в старорусском языке и по главному городу: см. названия в прошлом независимых областей-частей Московского государства: *Псковское государство*, *Казанское царство (государство)*, *Астраханское царство*. По этой модели с прилага-

тельным *московский* и образуются устойчивые сочетания *Московское государство*, *Московская земля*, *Московское княжество*, *Московская страна*.

Наличием таких, включающих прилагательное *московский* устойчивых сочетаний – обозначений страны, и обусловлена расширительная семантика блока Б.

Употреблений третьего блока (с семантикой ‘относящийся к царю Московского государства’) немного, и они фиксируются в тех же памятниках, в которых реализуется значение ‘относящийся к Московскому государству’: *В Црегорде имѣють смотрителное око о московском намбрении около Черного моря* (В-К VI, 1670 г.) (ср.: *намерение свеиского короля*) [КСОРЯ].

Принципиально, что значение выделенных семантических блоков (как и семантика оттопонимических прилагательных) не может быть сведено к чисто относительному (интерпретируемому отсылочно как «прилагательное к...»), а представляет собой ряд типовых и нетиповых значений. В соотношении этого общего «отсылочного» значения (а у оттопонимических прилагательных оно наиболее стандартизовано по сравнению с другими относительными прилагательными) и семантики в конкретном контексте и состоит семантическое своеобразие адъективных: с одной стороны, «словообразовательное значение отойконимических прилагательных предельно конкретно из-за недифференцированности выражаемого им отношения и... практически совпадает с лексическим» [Крюкова, 2000, с. 17], а с другой стороны, «значения... регулярно реализующиеся в контекстах, с достаточной частотой встречающиеся в речи, и следует считать собственно лексическими значениями отойконимических прилагательных» [Там же].

Именно в период XVI–XVII вв. на основании частотного употребления относительных прилагательных в характерных контекстах формируется типовая семантика многих тематических групп, в том числе оттопонимических прилагательных. Рассмотрим эти значения подробнее в соответствии и с их распределением по выделенным семантическим блокам (обозначены выше как А, Б, В).

1. Относительная семантика

1А. С относительной семантикой ‘относящийся к городу Москва’ лексема *московский* известна в устойчивом сочетании – обозначении соответствующей местности: *Московский уезд* (ср. аналогично с другими оттопонимическими прилагательными: *Алаторский уезд*, *Дорогобужский уезд*).

1Б. Относительная семантика ‘относящийся к Московскому государству’ чаще всего реализуется в тексте «Вестей-Курантов» в сочетаниях *московское войско*, *московские силы* (т. е. такое значение лексема приобретает в первую очередь в переводных источниках).

1В. Именно относительная семантика характерна для прилагательного *московский* при обозначении отношения к правителю Московского государства.

2. Значение ‘происходящий из...’, ‘живущий и служащий в...’

2А. В языке XVI–XVII вв. прилагательное *московский* повсеместно используется с этим значением, и это вообще самое распространенное типовое значение оттопонимических прилагательных. Для деловых документов XVI–XVII вв. конструкция «оттопонимическое прилагательное + существительное, указывающее на профессию или социальную категорию» была официально принятым способом идентификации человека (*елецкой кузнец*, *подьячия арьзамаськия*, *воронежский посадцкий человек*). Для указания на место жительства такие конструкции употреблялись наряду с существительными – названиями жителей, но в старорусском языке использовались чаще. Очевидна большая информативность конструкций с оттопонимическими прилагательными (наряду с происхождением обозначается

также профессия или социальный статус), кроме того, здесь нет никаких ограничений для использования, в то время как названия жителей существовали не от всех названий населенных пунктов. Сочетания, включающие оттопонимические прилагательные, использовались в таможенных книгах, челобитных, других деловых документах, а также в частной переписке, т. е. в документах, требующих наибольшей точности и подробности. См. с прилагательным *московский*: *Указали мы великий государь московскимъ и городовымъ кузнецомъ... дѣлатъ мушкетные замки наспѣхъ* (А. Кунг., 1678 г.); *Бояре приговорили за стрелетцкие хлебные запасы и ямские денги московским и розных городов ямщиком на жалованье имать на нынешний 157-й год и впредь по сошному розводу* (А. писц. д., 1649 г.); *За московских конюхов побейте челом гдѣрю отцу архимандриту чтоб их родственники з голоду не умерли* (Гр.) [КСОРЯ].

Существительные (к этому времени в языке были известны синонимичные *москвитин* (наиболее частотно), *москвич*, *московлянин*) использовались в первую очередь для указания на происхождение человека (см. характерные сочетания *родиною москвитин*). Конструкция же с прилагательным могла указывать и на происхождение человека (Е. И. Зиновьева пишет, что в деловых документах XVII в. с такой семантикой использовалась, в частности, конструкция *уроженец (какой)* [Зиновьева, 2000, с. 134]), но обычно это характеристика именно места жительства (и часто службы на настоящий момент).

Самое частое одушевленное существительное, определяемое прилагательным *московский* в этом значении в языке XVII в., – это лексема *стрелец*: словосочетание *московские стрельцы* встречается во многих текстах деловой и повествовательной разновидности, фиксируя важную для Московской Руси реалию. Созданное по приказу Ивана Грозного в 1550 г. и расселенное изначально в Москве в Воробьевой слободе, стрелецкое войско сильно увеличилось на протяжении XVII в. и активно участвовало в жизни страны, причем большинство стрельцов были именно московскими: в 1678 г. насчитывалось 26 полков московских стрельцов, что составляло 22 504 человека [Романов, 2004, с. 40]. Распространено были также сочетание *московские дворяне* ‘дворяне, состоявшие на службе при царском дворе, высший разряд дворянства’.

2Б. В значении ‘живущий в Московском государстве’ прилагательное *московский* используется как определение к лексеме *люди*, реже *народ*: *А в Литвѣ говорить что московские люди вездѣ розоряютъ и грабятъ* (В-К VI, 1668 г.).

Московские люди как обозначение народа в целом, а не только жителей столицы, встает в один ряд с такими номинациями, как *аглинские люди*, *свейские люди* и др. В этом значении прилагательное *московский* во множественном числе может и субстантивироваться (слово *люди* в данном случае обладает ослабленным лексическим значением). Характерно использование субстантивированного прилагательного в таком значении в «Вестях-Курантах» (ср. аналогично в западноевропейских языках), а также в Статейных списках послов: *Новая вѣсть что московские учинили казакомъ и татаромъ великую шкodu, такожь взяли де ханова брата московские в полон* (В-К VI, 1668 г.) [КСОРЯ].

3. Значение ‘правлящий, являющийся главой...’

3А. Изначально прилагательное *московский*, определяя лексему *князь*, обозначало главу Московского княжества и именно с такой семантикой вошло в титул Ивана Грозного после его венчания на царство в 1547 г.

В качестве оттенков этого значения, также типового для оттопонимических прилагательных в текстах XVI–XVII вв., можно выделить семантику ‘управляющий; осуществляющий управление на территории...’ (ср. *звенигородский воевода*) и ‘являющийся главой церкви на территории...’ (*московский патриарх*).

3Б. Развитие семантики *московский* 'правлящий, являющийся главой Русского государства' обусловлено экстралингвистическими причинами: с расширением границ страны, включающей наряду с Московским княжеством и другие, в том числе присоединенные Иваном Грозным земли, прилагательное *московский* получает расширительную семантику: *Московскои гѣдрь писал х королю полскому... что будет свѣског [короля] воеват* (В-К V, 1658 г.); *И онъ де, Якубка, сказалъ: «намъ де, свѣичамъ, противъ Московскаго государя имени не вставать для того, что намъ, свѣичамъ с Московскимъ государемъ воеваться»* (СиД, 1636 г.) [КСОРЯ].

4. Значение 'представляющий интересы...'

4Б. Такая семантика для прилагательного *московский* зафиксирована только при его использовании в расширительном значении в памятниках, описывающих дипломатическую деятельность Российского государства.

Наиболее частотны словосочетания для обозначения официальных представителей страны: [Маамет-паша]: *так, как деи яз стал деи и в пашах, и изо всех деи земель у нашего государя послы при мне бывали, одного деи московского не было* (Пут. послов, 1570 г.). В текстах «Вестей-Курантов» прилагательное *московский* в этом значении определяет лексемы *посланный* (самое частотное), *посол*, *посланник*, *посланец*, *гонец*. При этом значение прилагательного может дополнительно уточняться: *московский приѣзжий посланец* (В-К VI, 1668 г.), поскольку относительные прилагательные обладают морфологической энантиосемией, когда противоположность значений формируется по-разному понимаемым отношением (ср. *московский* 'прибывший (привезенный) из Москвы' (*московские послы*) / 'направляющийся (направляемый) в Москву' (*московская посылка*)).

5. Значение 'расположенный в...'

5А. Это значение (при определении неодушевленных существительных-названий локативных объектов) фиксируется только в рамках первого семантического блока – 'расположенный в городе Москва': [Иван Грозный Федору Ивановичу]: *Ты бери-тко казну да все несчетную поезжай-ко московсима переулками* (Ист. песни, XVI в.); *Гѣдрю Ивану Ивановичу московскова двора твоего дворник Василеи Григоревъ челом бьет* (ИНРЯ, 1714 г.) [КСОРЯ].

6. Значение 'произведенный в ...'

Иногда сложно дифференцировать, к какому семантическому блоку относится такая семантика прилагательного *московский* (при сочетании с неодушевленными конкретными существительными), но чаще, вероятно, к первому – 'произведенный в городе Москва': *Седло сафьянно с ящуром и уздою, с воилоком и с тебеньки, а тебеньки московские* (АФЗХ II, 1528 г.); *А велятъ имъ [хлебникам, мясникам, пирожникам] будучи на службѣ, тѣ свои московские товары, и которые купятъ и даромъ добудутъ въ войнѣ, продавати всякого чину служивымъ людемъ негораздо дорогою цѣною* (Котошихин, 1667 г.) [КСОРЯ].

На место изготовления может указывать и распространенное в языке XVI–XVII вв. устойчивое сочетание адъектонимов с существительным *дело* (*тульское дело, холмогорское дело, московское дело* и др.)¹. Это сочетание употреб-

¹ Относительные прилагательные в сочетании с существительным *дело* могли указывать не только на место, но и на способ изготовления (*домашнее дело*), материал (*кедровое дело*) и т. п.

лялось как несогласованное определение в именительном и родительном падежах или с предлогом *на* в винительном падеже: *И на государѣ было платья: шуба, бархатъ цвѣтной московское дѣло шолкъ червчатъ по бѣлой землѣ* (Выходы ц. в. к., 1636 г.) [КСОРЯ] (ср.: *вошвы золотомъ шиты казанское дѣло* (АРГ, 1525 г.); *перстень пермское дѣло серебрян* (Сл. Перм., 1623 г.); *колеса нѣмецкого дѣла* (Пск. писц. кн. II, 1660 г.) [СОЛЯ, вып. 5, с. 121].

7. Значение 'о мерах: имеющий хождение, принятый в...'

7А. Значение 'имеющий хождение, принятый в Москве' при определении существительных, являющихся названиями мер, возникают изначально в первом семантическом блоке, но многие достаточно быстро получают расширительное значение. Семантика была типична для оттопонимических прилагательных (ср. *оскольская мера, новгородская деньга, елецкий пуд*), при этом с прилагательным *московский* зафиксировано наибольшее количество таких устойчивых сочетаний. Это обозначения денежных единиц и мер зерна. Знание эквивалента используемых денежных единиц было важно в повседневной жизни, и именно с этим значением *московский* фиксируется разговорниками – руководствами по изучению русского языка, составленными иностранными купцами на основе устной речи: *Московская деньга. Mosckowska denga. Halb denungen* (Аноним. разг., сер. XVI в.); *Гривна Московская, grywna Mosckowska. Muschcka – wüsche Marck, ist – 10.d[enigen]* (Там же); *Гривен (!) московской, griuen muschoffschoi 10 deng* (Разг. Фенне, 1607 г.) [СОЛЯ, вып. 4, с. 276; вып. 5, с. 147].

Образование обозначений денежных единиц с прилагательным *московский* отражает важный исторический процесс – перестройку русской денежной системы в XVI в., когда на смену московскому и новгородскому счету приходит единая система, в основе которой московский рубль, равный ста новгородским копейкам.

Как обозначения денежных единиц с прилагательным *московский* фиксируются устойчивые сочетания *гривна московская* 'название денежной единицы и монеты, с 1534 г. до конца XVII в. равной 1/10 московского рубля или 10 новгородским деньгам', *деньга московская* (обозначалась и существительным *московка*) 'название денежной единицы и монеты, имевшей хождение до конца XVI века, равной 0,34 г серебра' («Московская деньга вдвое легче новгородской. В 1535 г. утвержден рисунок всадника с копьем на новгородских деньгах (копейные) и всадника с мечом на московских (мечевые). И те, и другие с к. XV в. чеканились в Москве. С к. XVI в. утвердилась копейка – мелкая серебряная новгородская деньга» [СОЛЯ. Проб. вып., с. 285], *московский алтын* 'название денежной единицы и монеты, равнявшейся после унификации русской монетной системы (сер. XVI в.) 6 московским деньгам (московкам)', *московский рубль* 'название денежной единицы и монеты, равнявшейся после унификации русской монетной системы в 1534 г. 200 московкам' [СлРЯ 11–17, вып. 9, с. 271].

В качестве мер зерна известны *московская мера, московская четверть, московский пуд, московская осьмина, московская четь*: *Рожь купим по пяти алтынъ осмину московскую а овесь ту же меру по два алтына по четыре деньги* (Гр.); *московскую чет овса* (Там же) [КСОРЯ].

7Б. После денежной реформы прилагательное *московский* используется в сочетаниях с названиями денежных единиц и как обозначение денег, имеющих хождение в Московском государстве (т. е. с расширительной семантикой). Интересны частотные сочетания *московские ходячие прямые деньги* (*Занял есми... пять рублей денег московских ходячих прямых* (Сл. Перм., 1577 г.); *Се яз, Дмитрий Петров сын Кутузав, занел есми у Ивана у Ондреевича у Кутузава пет рублей денег масковских хадячих от Рожества Христова да Юрьева дни да вешнева*

(АФЗХ II, 1564 г.) [СОРЯ, вып. 5, с. 147]) и устойчивое сочетание *московское* (*московье*) *число* ‘о денежном исчислении, принятом в Русском (Московском) государстве’ [СлРЯ 11–17, вып. 9, с. 271].

Изначально по месту чеканки получает свое название *московский золотой*, однако это обозначение – название именно русской (а не только столичной) монеты, которое встает в один ряд с обозначениями аналогичных реалий других государств (ср. *золотой угорский*, *золотой португальский*, *золотой турецкий* и др.).

Официально принятой мерой объема жидкостей и сыпучих тел было *московское* (*за*)орленое *полуаршинное ведро* (ср. синонимичное *государево московское ведро*): *Двѣ тысячи вѣдръ вина самого доброго пѣнного хлѣбного... отдать на Чердынские кружечные дворы в московское мѣдное заорленое полуаршинное ведро* (Сл. Перм., 1681 г.); *А станет де он [кадашевец С. Г. Баженов] мне [боярину Б. И. Морозову] с той винокурни... оброку платить по сту ведр вина в государево московское ведро кружечного двора* (АХБМ II, 1660 г.) [СОРЯ, вып. 2, с. 58].

8. Значение ‘ведущий в ...’

8А. Эта специализированная семантика возникает при определении оттопонимическими прилагательными лексем *путь*, *дорога* и характерна и для слова *московский* в сочетании *московская дорога* (используется и как имя собственное).

9. Значение ‘происходящий в ...’

9А. Это менее распространенное в языке XVI–XVII вв. значение оттопонимических прилагательных. Оно реализуется в сочетании с абстрактными существительными, обозначающими процессы: *А вотчинную, государи, и ввозную грамоту взялъ онъ, Алексѣй, до московского пожара* (МДПП, 1628 г.); *и в московское розорене все изгибло* (МДБП, 1617 г.) [КСОРЯ].

Сочетание *московское дело* встречается в частной переписке и как имя ситуации – ‘то, что было, происходило в Москве, каким-либо образом связано с Москвой’: *И ты Иван Ивановичъ к нам атпиши во всомъ московска делъ* (ИНРЯ) [КСОРЯ].

10. Значение ‘свойственный ...’, ‘такой, как принято в ...’

10А. Очень важно, что уже в старорусском языке появляются первые (еще единичные) примеры фиксации оттопонимических прилагательных с семантикой ‘свойственный ...’, ‘такой, как принято в...’: *И вы сами бегаете, а держася своего звычаю московского: братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу, не верите; и тот звычай такъ великую теперешнюю погибель на царство Московское навель* (Сл. Смол., 1609 г.) [КСОРЯ].

См. также субстантивированное употребление *московское* ‘такое, как принято в Москве (о цене)’: *А что наперед сего я писал к тебѣ о соли, и ты пишеши что и в Кузюдемьянску сол не дешева и будет с провозом не дешевле станет московского и ты соли мнѣ не купи* (Гр.) [КСОРЯ].

Значение ‘такой как принято в г. Москве’ реализуется и в устойчивом сочетании *московское дело* ‘произведенный в Москве’ (см. выше).

Одним из ключевых понятий, характеризующих Российское государство, становится концепт «волоки́та», а своим возникновением он обязан ведению дел в приказах на Москве, сопровождавшемуся потерей времени и убытками для тех, кто обратился в приказы. Именно в старорусском языке возникает сочетание *московская волоки́та*: *А он, Исай, хотя крестьян государя моего в том деле московскою волоки́тою изволочить и изубычтить, собрав по себе поручную запись,*

не бив челом тебе, г., с Москвы съехал (АХБМ I, 1650 г.); *И велите, государи, намъ же, холопемъ своимъ... поднемные деньги и подводы давать во Псковѣ по десяти рублей и ваше же великихъ государей годовое жалованье безъ московския волокиды* (ДАИ X, 1682 г.); *А стала гсдрь мнѣ [Ваське Аврамову] от тово Семена продаж в три годы московских волокиит и проестей дватцат сем рублей денег* (Южн. челобитные, 1619 г.) [СОРЯ, вып. 2, с. 312].

Тенденции в развитии семантики прилагательного *московский* и других оттопонимических прилагательных в языке национального периода

1. Обновление семантической структуры прилагательных: перегруппировка значений, выход из употребления одних значений, появление других

В языке XVIII и XIX вв. в семантической эволюции адъектонимов при сохранении типовых значений наблюдаются определенные новации. В семантике прилагательного *московский* это прежде всего обновление семантической структуры на уровне семантических блоков.

В языке XVIII в. у лексемы *московский* сохраняются фактически те же значения, что и в предыдущий период, хотя изменяется, например, сочетаемость прилагательного *московский* с семантикой 'живущий в...': *московская публика, московские красавицы, московские щегольки*. Появляется значительное количество обозначений учреждений с этим прилагательным (*московские департаменты*), номенклатурных устойчивых сочетаний, включающих прилагательное *московский*, указывающих на определенную разновидность реалий (*московская глина, московский камень, московское стекло* [СлРЯ 18, вып. 13, с. 41]). Увеличивается количество употреблений с семантикой 'происходящий в Москве'.

Самым же существенным изменением в языке XVIII в. является устаревание семантического блока 'относящийся к Московскому государству', что обусловлено экстралингвистическими причинами (утрата реалии – утрата значения). Эта семантика справедливо характеризуется как сохраняющаяся, но выходящая из употребления в «Словаре русского языка XVIII в.» [СлРЯ 18, вып. 13, с. 41].

Начиная с XIX в. для прилагательного *московский* выделяются следующие семантические блоки:

- А. относящийся к Москве;
- Б. относящийся к жителям Москвы;

В. относящийся к Московскому государству (выходит из употребления, используется только в исторических контекстах для стилизации или характеристики соответствующей эпохи).

Семантической новацией, таким образом, является значение 'относящийся к москвичам' (*с московской точки зрения, московская закалка*) и, в частности, семантика 'свойственный москвичам': *В понедельник обедал у Евфанова с компанией, видел между прочими там Тизенгаузена, который мне противен за свою московскую невежливость* (А. В. Дружинин. Дневник. 1845 г.); *Пороки московские происходят от отсутствия деятельности, от недостатка живой цели в жизни, от скуки и тяжелой барской лени* (В. А. Соллогуб. Тарангас. 1845 г.); *Теснота, чад, московская неопрятность... все это производило безотрадное впечатление и вызывало брезгливость* (А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе. 1860–1877 гг.) [НКРЯ].

2. Развитие семантики, приближающейся к качественной

Тенденция к развитию качественной семантики – одна из важнейших особенностей функционирования всего фонда имен прилагательных в современном русском языке (см., например: [Русский язык..., 1996, с. 124–131]), и оттопонимические прилагательные не являются исключением в этом отношении. С. В. Крюкова даже пишет о лексикализации значений оттопонимических адъективов с приобретением компонента положительной оценки [Крюкова, 2000, с. 7].

В основе этой семантики возникающее еще в старорусском языке и активно развивающееся в языке XIX в. значение ‘свойственный (представляющийся типичным, характерным) для города / людей, проживающих в соответствующей местности’. Полный переход оттопонимических прилагательных в качественные происходит в редчайших случаях (*африканские чувства, страсти* ‘бурные, необузданные’), но, несомненно, можно говорить о тенденции к формированию качественной семантики.

В языке появляются и формальные показатели качественности на уровне словообразования и сочетаемости. Так, на протяжении XIX в., вплоть до 1910-х гг., от оттопонимических прилагательных образовывались приставочные дериваты с приставкой *архи-*: *архинемецкий* (1835), *архималороссийский* (В. Г. Белинский, 1841 г.), *архианглийский* (А. И. Герцен, 1864 г.), *архипетербургский* (П. Д. Боборыкин, 1895 г.) и др., указывающие на сгущенный признак. В произведениях П. Д. Боборыкина встречается и прилагательное *архимосковский* с семантикой ‘такой, как свойственно г. Москве, принятый, присущий Москве в высшей степени’: *Мы жили в тех архимосковских номерах чельшевского дома* (П. Д. Боборыкин. Воспоминания. 1906–1913 гг.) [Библ. лекс.].

Важный показатель развития качественной семантики – образование от прилагательного абстрактного существительного с суффиксом *-ость*. Одно из первых таких образований от оттопонимических прилагательных – производное именно от *московский*. Слово *московскость* появляется еще в 1936 г. у М. Цветаевой со значением ‘особенности выговора, произношения’. В современном же русском языке достаточно активно образование существительных на *-ость*, обозначающих качества, представляющиеся типичными для какого-л. народа, жителей какой-л. местности (см. *американскость, английскость, британскость, европейскость, парижскость, польскость, русскость* и др.). С таким значением лексема *московскость* в русле подобных качественных образований известна в современных текстах: *В этом бурном строительстве исчезает дух города, атмосфера привлекательной домашней теплоты, та самая «московскость», которая составляла прелесть древней российской столицы* (Т. Земцова. О прогулках по городу, которого нет. 2007) [НКРЯ].

С XIX в. оттопонимические прилагательные фиксируются с показателями сравнительной и превосходной степени. Для прилагательного *московский* известно только использование превосходной степени (*самая московская из гостиниц, самое московское питье*) и отмечается постепенное увеличение таких контекстов: *С этой поэтической оценкой Арбата – самой московской из московских улиц – согласны тысячи москвичей и жителей глубинки* (В. Быков, О. Деркач. Книга века, 2000); *Любопытно, что самый московский из всех писателей – В. Гиляровский вообще не использовал это слово в своем творчестве* (С. Логинов. Пышка, пончик и «аладья». 2007) [НКРЯ].

Наречие *по-московски* все чаще выступает как характеристика образа действия (*по-московски смачно*) и в сочетании с кванторными словами (*чисто по-московски*).

3. Тенденция к стереотипизации

Исследователями описан ряд способов выражения этностереотипов в языке; наиболее полное описание предпринято Л. П. Крысиным [Крысин, 2003]. Анализ показывает, что число лингвистических способов выражения этностереотипов растет и развитие семантики оттопонимических прилагательных (и производных) – один из таких динамически развивающихся во времени способов выражения стереотипов в языке.

Сочетания с прилагательным *московский* чаще характеризуют внешние проявления стереотипа города (*совершенно московский цвет домов, очень московское название (улицы)*) и горожанина (*совершенно московская походка*), но могут также и описывать содержание стереотипно представляемого характера москвича (*совершенно московская хватка, совершенно по-московски сумасшедший*).

Одним из способов выражения этностереотипов в языке является сочетание оттопонимических прилагательных с абстрактными существительными – обозначениями качеств [Крысин, 2003, с. 450–451]. Анализируя лексическое наполнение таких сочетаний, можно выяснить конкретное содержание стереотипов. Для прилагательного *московский* в современном русском языке обнаруживается целый ряд таких контекстов: *московская теснота, московская духота, московское благопочиние, московское благополучие, московское великолепие, московское безобразие, московское радушие, московская домотканость, московская трактирность, московская нетерпеливость, московский патриотизм, московский космополитизм, московский снобизм, московская находчивость* и др.

Таким образом, прилагательное *московский* имеет длительную историю в русском языке, отражающую и историю страны, и семантическую эволюцию лексического пласта оттопонимических прилагательных. Такие прилагательные развивают в старорусском языке ряд типовых и индивидуальных значений, при этом в семантической эволюции прилагательного *московский* в старорусском языке обнаруживается особый семантический блок «относящийся к Московскому государству» (и производный от него «относящийся к царю Московского государства»). В развитии семантики адъективов в языке национального периода при сохранении большинства типовых значений происходит обновление семантической структуры (в семантической эволюции прилагательного *московский* выходят из употребления семантические блоки в связи с обозначением Русского государства XVI–XVII вв. и появляется блок «относящийся к жителям Москвы», активно развивается семантика «свойственный..., такой, как в...»). Для адъективов в современном русском языке характерны развитие семантики, приближающейся к качественной, и тенденция к стереотипизации.

Таким образом, лексическое значение оттопонимических прилагательных не может быть сведено к чисто относительному и представляет собой ряд типовых и индивидуальных значений, набор и соотношение которых как в отдельных конкретных случаях (лексемах), так и в лексической группе в целом изменяется во времени.

Список литературы

Горпинич В. А. Словообразование имен прилагательных и названий жителей от топонимов в восточнославянских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1966. 22 с.

Зиновьева Е. И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: Структура, лексика, фразеология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 240 с.

Крысин Л. П. Этностереотипы в современном культурном сознании: к постановке проблемы // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности.* Екатеринбург, 2003. С. 450–455.

Крюкова С. В. Структурно-семантическая характеристика прилагательных, образованных от названий населенных пунктов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 30 с.

Левашов Е. А. Словарь прилагательных от географических названий. М.: Рус. яз., 1986. 550 с.

Левашов Е. А. Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий: Слов.-справ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 532 с.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. 760 с.

Озтюрк Л. И. Региональный аспект в исследованиях адъектонимии современного русского языка // *Вестн. Чуваш. ун-та. Гуманитарные науки.* 2008. № 4. С. 229–236.

Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // *Топономастика и транскрипция.* М.: Наука, 1964. С. 9–34.

Романов М. Ю. Стрельцы московские. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 352 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Коллективная моногр. / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 473 с.

Список словарей и картотек

Библ. лекс. – *Бурькин А. А.* Библиотека лексикографа – электронная база «Словаря русского языка XIX века».

КСОРЯ – Картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» / С.-Петербург. гос. ун-т.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения 17.07.2015).

СлРЯ 11–17 – Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. 1–29. М.: Наука, 1975–2011 (Изд. продолжается).

СлРЯ 18 – Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–20. Л.; СПб.: Наука, 1984–2011 (Изд. продолжается).

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–6. СПб.: Наука, 2004–2014 (Изд. продолжается).

СОРЯ. Проб. вып. – Словарь обиходного русского языка. Пробный вып. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.

Список источников

А. Кунг. – Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.). / Изд. А. Г. Кузнецов. СПб., 1888.

А. писц. д. – Акты писцового дела (1644–1661) / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1977.

Аноним. разг. – «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert // Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.

АРГ – Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975.

АФЗХ II – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. II. М., 1951–1956.

- АХБМ I, АХБМ II – Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова / Под общ. ред. А. И. Яковлева. Ч. I–II. М.; Л., 1940–1945.
- В-К V – Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / Изд. подг. В. Г. Демьянов; Отв. ред. В. П. Вомперский. М., 1996.
- В-К VI – Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 1: Русские тексты / Изд. подг. В. Г. Демьянов при участии И. А. Корнилаевой; отв. ред. А. М. Молдован, И. Майер. М., 2009.
- Выходы ц. в. к. – Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев (1632–1682 гг.) / Сообщ. П. М. Строев. М., 1844.
- Гр. – Грамотки XVII – начала XVIII в. / Подг. изд. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова; под ред. С. И. Коткова. М., 1969.
- ДАИ X – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. 2–12. СПб., 1846–1875.
- ИНРЯ – Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964.
- Ист. песни – Исторические песни XIII–XVI веков (по спискам XVIII–XX вв.) / Подг. изд. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
- Котошихин – Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 2-е изд. СПб., 1859.
- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Подг. изд. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.
- МДПП – Материалы делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. СПб., 1906.
- Пск. писц. кн. II – Псков и его пригороды. Кн. II // Сб. Москов. архива м-ва юстиции. Т. 4. М., 1914.
- Разг. Фенне – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / Ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.
- Сид – Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Зап. Моск. археол. ин-та. Т. 14. М., 1911.
- Сл. Перм. – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в. / Сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1. Пермь, 1993.
- Сл. Смол. – Региональный исторический словарь 2-й половины XVI–XVIII в.: По памятникам письменности Смоленского края / Отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск, 2000.
- Пут. послов – Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.
- Южн. челобитные – Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / Подг. изд. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянова. М., 1993.

E. V. Generalova

*Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
elena-generalova@yandex.ru*

**About semantic development of the adjectives formed from place names
in the Russian language
(at the example of the history of the word «Moscow» («Muscovite»))**

Basing on the semantic evolution of an adjective *Moscow* (*Muscovite*) in Old Russian language and further in the language of the XVIII century, XIX century and modern Russian, the

paper analyses the regularities of the semantic development of the adjectives formed from place names. The research shows that the lexical meaning of the adjectives formed from place names can't be described as exclusively relative and appears to include a number of typical and specific meanings, their number and correlation changing with time in concrete words and in the lexical group in whole. The formation of the semantic structure of the word *Moscow* (*Muscovite*) which took place in the Russian of 16–17th centuries is described in details. There is an updating of semantic structure during the development of semantics of such adjectives in Russian language of the national period while the majority of standard meanings are preserved. Also there is a development of semantics which is becoming qualitative and a tendency to stereotypisation.

Keywords: adjectives-derivations from toponyms, the Russian language of 16–17th centuries, modern Russian, semantics, ethno stereotypes.

DOI 10.17223/18137083/56/16

References

Gorpinich V. A. *Slovoobrazovanie imen prilagatel'nykh i nazvaniy zhiteley ot toponimov v vostochnoslavianskikh yazykakh* [Derivation of adjectives and names of inhabitants from toponyms in East Slavic languages.]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kiev, 1966, 22 p.

Krysin L. P. Etnostereotipy v sovremennom kul'turnom soznanii: k postanovke problemy [Etnostereotypes in modern cultural consciousness: to statement of a problem]. In: *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguoculturological problems of toleranc]. Ekaterinburg, 2003, pp. 450–455.

Kryukova S. V. *Strukturno-semanticheskaya kharakteristika prilagatel'nykh, obrazovannykh ot nazvaniy naseleennykh punktov* [The structural-semantic characteristic of the adjectives formed from names of settlements]. Abstract of Philology Dr. Diss. Belgorod, 2000, 30 p.

Levashov E. A. *Mirovaya toponimika. Prilagatel'nye ot geograficheskikh nazvaniy: Slovar'-spravochnik* [World toponymics. Adjectives from place names: Dictionary]. Saint-Petersburg, «Dmitriy Bulanin», 2003, 532 p.

Levashov E. A. *Slovar' prilagatel'nykh ot geograficheskikh nazvaniy* [The dictionary of adjectives from place names]. Moscow, Russkiy yazyk, 1986, 550 p.

Nikitin M. V. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of linguistic semantics]. Saint-Petersburg: Scientific center of problems of dialogue, 1996, 760 p.

Oztyurk L. I. Regional'nyy aspekt v issledovaniyakh ad'ektonimii sovremennogo russkogo yazyka [Regional aspect in researches of an adjektonimiya of modern Russian]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Cheboksary, Chuvash State University, 2008, no. 4, pp. 229–236.

Reformatskiy A. A. Toponomastika kak lingvisticheskiy fakt [Toponomastics as linguistic fact]. In: *Toponomastika i transkriptsiya* [Top onomastics and transcription]. Moscow, Nauka, pp. 9–34.

Romanov M. Yu. *Strel'tsy moskovskie* [Moscow Sagittariuses]. Moscow, 2004, 352 p.

Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) [Russian of the end of the 20th century (1985–1995)]. E. A. Zemskaya (ed.). Moscow, Languages of Russian culture, 1996, 473 p.

Zinov'eva E. I. *Zapisnye kabal'nye knigi Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vekov: Struktura, leksika, frazeologiya* [Enslaving books of the Moscow state of the 16–17th centuries: Structure, lexicon, phraseology]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, 2000, 240 p.

Dictionaries and Card Files

Burykin A. A. Biblioteka leksikografa – elektronnyaya baza «Slovary russkogo yazyka XIX veka» [Library of the lexicographer – electronic base of «The dictionary of Russian of the 19th century» (Electronic resource)] (accessed: 17.07.2015).

Kartoteka «Slovary obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.» [Card file «Dictionary of everyday Russian of the Moscow Russia of the 16–17th centuries»]. St. Petersburg State University.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. [National corpus of Russian [Electronic resource]. URL: <http://search.ruscorpora.ru> (accessed: 17.07.2015).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian of the 11–17th centuries]. Vols. 1–29. Moscow, Nauka, 1975–2011, the edition proceeds.

Slovar' russkogo yazyka XVIII v. [Dictionary of Russian of the 18th century]. Vols. 1–20. Leningrad, Saint-Petersburg, Nauka, 1984–2011, the edition proceeds.

Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv. [Dictionary of everyday Russian of the Moscow Russia of the 16–17th centuries]. Vols. 1–6. Saint-Petersburg, Nauka, 2004–2014, the edition proceeds.

Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka. Probnnyy vypusk [Dictionary of everyday Russian. Trial issue]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, 2003.

Sources

Kungurskie akty XVII v. (1668–1699 gg.). Izd. A. G. Kuznetsov. SPb., 1888. (in Russian)

Akty pistsovogo dela (1644–1661). Sost. akad. S. B. Veselovskiy. Moscow, 1977.

«Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert. Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien. 1994.

Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526 gg. Sost. S. B. Veselovskiy. Moscow, 1975.

Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV–XVI vv. Podg. k pečati L. V. Che-repnin, A. A. Zimin. Ch. I-II. Moscow, 1951–1956.

Akty khozyaystva boyarina B. I. Morozova. Pod obshch. red. A. I. Yakovleva. Ch. I-II. Mos-cow, Leningrad, 1940-1945.

Vesti-Kuranty 1660 g., 1660–1662, 1664–1670 gg.: v 2-kh ch. Izd. podg. V. G. Dem'yanov / Pod red. A. M. Moldovana, I. Mayer. M., 2009.

Vesti-Kuranty 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 gg. Izd. podg. V. G. Dem'yanov. Otv. red. V. P. Vomperskiy.

Vykhody gosudarey tsarey i velikikh knyazey Mikhaila Feodorovicha, Alekseya Mikhaylovicha, Fedora Alekseevicha vseya Rusii samodertzhtsev (1632–1682 gg). Soobshch. P. M. Stroev. Moscow, 1844.

Gramotki XVII – nachala XVIII v. / Izd. podg. N. I. Tarabasova i N. P. Pankratova; pod red. S. I. Kotkova. M., 1969.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobr. i izd. Arkheograf. komis. T. 2–12. SPb., 1846–1875.

Kotkov S. I., Pankratova N. P. Istochniki po istorii russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII – nachala XVIII v. Moscow, 1964.

Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov (po spiskam XVIII–XX vv.). Izd. podg. B. N. Putilov, B. M. Dobrovol'skiy. Moscow, Leningrad, 1960.

Kotoshikhin G. O. Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha: 2-e izd. SPb., 1859.

Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII v. Izd. podg. S. I. Kotkov, A. S. Oresh-nikov, I. S. Filippova. Moscow, 1968.

Materialy deloproizvodstva Pomestnogo prikaza po Vologodskomu uezdu v XVII v. Vyp. 1. SPb., 1906.

Pskov i ego prigorody. Kn. II. Sb. Moskov. arkhiva ministerstva yustitsii. T. VI. Moscow, 1914.

Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607. / Ed. by L. L. Ham-merich and R. Jakobson. Vol. II: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

Novombergskiy N. Slovo i delo gosudarevy: Protsessy do izdaniya Ulozheniya Alekseya Mikhaylovicha 1649 g. T. 1. Zap. Mosk. arkheolog. in-ta. T. 14. Moscow, 1911.

Slovar' permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII v. Sost. E. N. Polyakova. Vyp. 1. Perm', 1993.

Regional'nyy istoricheskiy slovar' 2-y poloviny XVI–XVIII v.: po pamyatnikam pis'mennosti Smolenskogo kraya. Otv. red. E. N. Borisova. Smolensk, 2000.

Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv. Moscow, Leningrad, 1954.

Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya: Chelobit'ya i rassprosnye rechi. Izd. podg. S. I. Kotkov, N. S. Kotkova, T. F. Vashchenko, V. G. Dem'yanova. Moscow, 1993.